

Елена Алексанян

Мост через все

Особенности и роль национальных-художественных реалий в творчестве У.Сарояна

У. Сароян стал хорошо известен в Армении с конца 50-х годов. В то время был своеобразный бум: благодаря русским переводам, новое обретение творчества известного американского писателя с армянскими корнями, а благодаря его приездам на свою «старую родину» (как он называл Армению) – живое общение с обаятельной личностью. В его художественной индивидуальности удивительно органично сочетались четкая рациональность и ироничность мировидения большого мастера, наив и романтичность мечтателя-сказочника. Тогда, полвека назад его герои – чудаки и бессеребряники, его художественный мир, полный духа добра и гуманности, был на «ура» востребован читателем.

Спустя десятилетия и сейчас, в начале нового века, с его глобальными кризисами и новыми мироотношениями, когда появилась литература, отрицающая красивые утопии, и заменяющая их антиутопиями, выдвигающая жесткие философемы бытия, отвергающая само понятие этого бытия и ставящая под сомнение привычные ценности, - возвращение к Сарояну или попросту его современное прочтение, возможно, могло принести читателю некоторое разочарование. Сароян вводил нас в мир простых и реальных событий и истин, внешне не только не претендуя на философскую глубину постижения мира, но даже подчас демонстративно отказываясь от претензий на глубокомыслие, то «прикрываясь» детским «наивом», то своеобразной игрой в реальность, и всегда оставаясь оптимистом и жизнелюбом. Были ли у него шансы на успех у современного читателя, мог ли его художественный мир выдержать жесткую переоценку или грозил обрушением или уходом в небытие, в то самое декларируемое постмодернистами небытие или забвение.

Уверена, что обрушения не произошло даже в глазах придирчивого читателя, чьи взгляды на литературу претерпели существенное изменение. И причина понятна. В творчестве Сарояна есть главное, что не может и никогда не сможет отодвинуть его в задние ряды расхожих беллетристов. Это умение, вернее сперва восприятие и видение, а затем виртуозная способность сочетать в своем творчестве житейски обычное, сиюминутное и конкретное с глобальным, космическим, вселенским, возможность быть на земле и одновременно воспарить к далекому, возвышенному, недостижимому, но главное – общечеловеческому. Если добавить к этому веру в братство людей, живущих на этой грешной земле, согретых «теплотой сердечного чувства» (о котором писал почитаемый Сарояном Л.Толстой), перед нами предстанет самобытный, непохожий ни на один другой грустный и насмешливый художественный мир писателя на все времена.

Читая его рассказы, пьесы или повести, может показаться, что Сароян сознательно, даже эпатированно уходит от любой сложности, умствования, описывая самые незатейливые, безыскусственные события, как они запечатлелись в его памяти, эпизоды жизни обычных людей, особенно детей, погружая читателя в конкретику быта, на самом деле за этой обыденностью стоит попытка понять смысл жизни и назначение человека, в том числе и писателя на этой земле. Сароян со всей убедительностью тонкого художника делится со своим читателем самым сокровенным, погружая его в мир своей печали и мечты. Еще один из секретов его мастерства заключается, на наш взгляд, в том, что он преимущественно выводит на авансцену одну и ту же фигуру, alter ego самого писателя, одинокого и печального фантазера-неудачника, который должен постоянно отстаивать свое место в жизни, свое право на мечту. Но нетрудно заметить, и это очень важно, как многолик этот образ, как серьезен и глубок его взгляд на жизнь и человечество, как истово он верует в мечту о совершенном мире и вместе с тем как мучительно он сомневается в возможности осуществления этой мечты. А отсюда и грусть, ирония эдакий сплав солнечной веры и печального скептицизма, очень свойственный армянскому национальному характеру, армянину с его трагической исторической судьбой.

Собственно, этот национальный характер, как он понят Сарояном, - как армянская судьба трансформировался в его художественном сознании, и

интересует нас по преимуществу. Понятно, что армянская составляющая в творчестве Сарояна преломляется и воссоздается в национальном характере его героев на очень глубоком уровне, играя свою важную роль в его художественном мире. Отсюда и необходимость его изучения и сложность выявления этого художественного феномена, как и в целом актуальность его исследования в любой национальной литературе.

Сам Сароян неоднократно признавался в приобщенности к армянским корням. Приглашая к чтению своей второй книги «Вдох и выдох», он сделал в ней посвящение: «английскому языку, американской земле и армянскому духу». Но это, разумеется, лишь в малой степени способствовало выявлению этого «армянского духа» на научном уровне. Напомним, что проблема эта, ввиду своей сложности, мало изучена в литературоведении, часто подменялась общими фразами, неаргументированными выводами и расхожими утверждениями, ограниченными национальными реалиями, лежащими на поверхности. Мы имеем в виду имена и прямые обращения к историческому прошлому «старой родины», саму армянскую тематику. Писатель далек от примитивизации проблемы, почти не обращаясь, к примеру, к армянской теме в своем сборнике «Меня зовут Арам» и, напротив вкладывая в уста не армянина, а араба, проникновенные слова о тоске по родине, тем самым открыто универсализируя национальную проблему. «Когда же он произносил какое-нибудь словечко, казалось будто голос исходит не из его груди, а откуда-то из недр старой родины. Говорил он так, будто сожалел, что приходится говорить, будто мучительно было человеку силиться выразить то, что все равно никак невозможно выразить и будто все, что он ни сказал бы, только прибавило бы скорби в его душе»¹. Уходя от привязки к своей армянской ностальгии, Сароян делится своей болью, и вместе с тем снова и снова подчеркивает свою интернациональную позицию. «Есть только одна нация, - утверждал писатель, - нация живущих».

Разумеется, при поисках национального художественного феномена исходить надо не столько от декларируемой позиции и самоощущения писателя, а прежде всего от того, как этот феномен воплощен в самобытной

---

¹ У.Сароян. Ученик брадобрея, СПб 2004, с 62. Далее страницы этого издания в тексте.

образности элементов национальной субстанции, в ментальности, органичной его творчеству в целом.

Сам Сароян неоднократно, то оставаясь в рамках художественности, то обращаясь к публицистике касался вопроса самобытности армянства как нации, народа, его истории и судьбы. Однако свою причастность к своему роду, повторимся, он постоянно ассоциировал с родом человеческим, где братство людей не может строиться лишь на национальной принадлежности.

Самой трудной точкой преткновения для Сарояна как писателя-гуманиста была невозможность ухода от адекватного восприятия страшного злодеяния, сотворенного на его «старой родине» турками и превратившего его соплеменников в скитальцев и изгоев. Он никак не мог понять, как случилось, что «божественность человека сведена к жуткому массовому убийству и разрушению» (287). Эта трагическая память не могла быть забыта, хотя писатель родился в Америке. Тревожные сигналы этой памяти постоянно напоминали о себе в тяготах и неблагополучии семьи, в ностальгии по родине его родичей и соседей. Он стал американцем, наделенным армянской памятью, и это на любом уровне не могло не сказаться на его творчестве. Он писал по-английски и мелодика армянской речи сохранилась лишь в воспоминаниях, собственном детском лепете и разговорах, песнях старшего поколения. В одном из рассказов он растроганно признавался как любит «Оровел», песню пахаря: «Это моя песня, - писал он, - песня моего рода, моей древней земли». И еще, уже обобщая истоки своего армянства: «Так вот, что значит быть армянином – это чистый голос, голос полей, голос ветра, голос равнин» (278).

Как нам представляется армянский архетип в творчестве Сарояна мог сформироваться и проявиться не столько в манере письма и особенностях образности (ему недоступна была армянская литературная традиция) сколько в проявлении своеобразности его художественной индивидуальности с ее опорой на генетическую память, душевный склад и другие более тонкие проявления художественного сознания, о которых интересно писал Карабчиевский о том, что после перевода произведения что-то остается в остатке. Это что-то, по Сарояну, «растворено в нашей крови как воспоминание».

В результате его художественная субстанция вобрала в себя философскую глубину взгляда на жизнь (хотя Сароян всячески отрицал философичность своих произведений), видимо характерную для восприятия

действительности библейски древнего народа с его устойчивыми традициями, которые нашли в его творчестве свое оригинальное преломление и воплощение. Чрезвычайно характерны для армянского менталитета иди Дома и Пути, скитальчества. Они приобретают у Сарояна не привычно страдальческие трагические черты пережитого его народом, а попытку их преодоления созданием особого Сарояновского мира трагикомедии с его героями, так сказать, ироническими мечтателями. Подчеркнем, что как бы ни был выразителен и точен посыл Сарояна к общечеловеческим ценностям и роду людей в космосе жизни, Сароян постоянно обращается к сигналам национальной памяти, где как раз и очевиден приоритет символики Дома и Пути к Дому, родовому дому предков, которого его лишили. Его «тихая долина дома» - это не просто мечта, для армянина это символ родины, противостояния разрушениям, конец скитаниям. Не отменяясь, мотив скитаний также находит свое художественное воплощение в ткани повествования, ведь это та же, исполненная тоски идея Дома, чисто армянская национальная идея, противоположная сиротству и сконцентрированная в армянском характере.

В одном из рассказов Сарояна «Студент-богослов» герои вплотную касаются тайны национально характера. Дядя Хосров пытается определить, кто же такие армяне: «Англичанин, говорит он, правит своей империей, у французов есть искусство, чтобы знать меру и задавать моду. У немцев армия, чтоб ее обучать и бросать в бой. Русский носится с революцией. Швейцарцы управляют своими гостиницами. Мексиканцы играют на мандолине. Испанцы забавляются боем быков. Австрийцы тынцуют свои вальсы. Ну а мы? Что у нас есть за душой? Так что же мы имеем? – спрашивает собеседника дядя Хосров, - и сам же отвечает: «Манеры» (183). По контексту становится ясно, что он имеет в виду отнюдь не просто манеру поведения, как ценз воспитанности, а манеру мыслить, чувствовать «понимать вещи», по-своему откладывающиеся в ментальности человека, хотя вряд ли дядя Хосров мог так емко и глубоко мыслить на эту тему. Разумеется, это мыслит автор, понимая что особенности армянского национального характера накрепко связаны с его духовностью, с его непривязанностью к материальным благам, с его непохожестью на других, и быть может, возможностью для армянина это понять и самореализоваться по достоинству и заложенному в себе творческому или иному посылу в будущее.

Эта «манера» присутствует в мировидении и художественном самовыражении Сарояна и когда он пишет об одиночестве своего героя-армянина, о его обделенности, сиротстве и незащищенности от житейских невзгод, и когда он касается его склонности мыслить и мечтать глобально, то восходя к иронии, то уходя в романтику, то жестко сталкивая своего героя один на один со страшным миром, не зависимо от его национальности. Герой Сарояна мечтает о сказочном «мосте через море, над городом, сквозь небо. Мосте через все» (Рассказ «Мост» 186). Рядом с «фигуркой, бредущей во тьме по мосту», мальчик, которому все непочем, «летающий на велосипеде спасти мир».

Армянская символика, опирающаяся на знаки памяти, на национальную субстанцию, звучит у Сарояна ненавязчиво, иногда вовсе завуалтировано и совсем не обязательно в контексте или из уст персонажа армянина. Мы уже указывали, что в сборнике с открыто армянским названием «Меня зовут Арам» гораздо меньше рассказов с армянской тематикой, нежели в других. Писатель тем самым снова и снова доносит до читателя важную для него мысль о том, что армянское имя героя здесь не главное. А в пьесе «Время моей жизни» о Доме навязчиво мечтает Кити – не армянка, а американка. О своем сердце в горах говорит герой пьесы с тем же названием и тоже не армянин.

Как настоящий художник Сароян, позиционирующий общечеловеческие ценности, универсализирует проблему, моделируя свой художественный мир прежде всего на принципах гуманности и добра, будучи глубоко убежденным, что только так можно воздействовать на умы и сердца людей, иначе говоря выполнить высокую миссию писателя.

В рассказе «Я на этой земле» он обращается к своему читателю: «Есть ли странствие более грандиозное и захватывающее, чем путешествие разума сквозь жизнь», снова и снова утверждая единственно возможную для него адресованность своего повествования «к человеку на этой земле».

Отсюда и особо грустная солнечность его произведений, которая пришлась по сердцу его многочисленных почитателей, вызвав, однако, шуточный протест собратьев по ремеслу. Известно например, как вспоминает его Рей Бредбери в своем рассказе «Бетономешалка»: «Мы огромная необъятная раздобревшая семейка Сароянов – все всех любят». Конечно же, это преувеличение. Мир людей порой ужасает писателя возможностью повторения

жестокой истории. И если даже ограничиться армянским контекстом, потеря «божественного» так угрожающе направлена на утрату человечности, что Сароян с его «армянским духом» и родовой памятью не мог не форсировать идею всеобщей любви. Вместе с тем ощущая в своей плоти, в своем духе, все накопленное прошлое человеческого рода» (287), он презирает насилие и люто, - как утверждает сам, - ненавидит тех, кто творит его» (287). Как видим, Сароян любит далеко не всех, его творчество ни в коей мере не назовешь утешительским, особенно если вспомнить иронический подтекст, присутствующий в его произведениях, но романтическая мечта, пусть порой иллюзорная, о счастливом будущем для людей неустанно питает его писательское воображение, еще и еще раз напоминая о его армянских корнях.

Важно подчеркнуть, что самобытный художник, претворяя эту мечту в художественные образы, почти всегда уходит от шаблонных творческих воплощений. Вспомним, с одной стороны, образ гранатовой рощи, который как и символ чеховского «Вишневого сада» присутствует в произведениях Сарояна, полный неизбежной красоты и лиризма. Но с другой стороны, он использует внешне никак не возвышенный, а напротив антиромантический образ обычной домашней птицы – курицы, вызывающей очень важные для писателя ассоциации домашнего теплого родного быта и уюта. (По контрасту вспомним «Чайку» того же Чехова). Герои Сарояна могут, скажем, как и герои того же Бредбери мечтать о звездах, о чудесах, далеких от жизни, но не меньшее чудо для них и снесенное курицей яйцо, ведь герои только что спасли ее от гибели. И подобная нарочитая заземленность образов только усиливает мотив устойчивости жизненных основ, их неизбежности. По существу, такая открытая прозаизация образов, как и их романтизация, одинаково прочитываются как признание в любви к дому и вселенной, ведь вселенная это общий дом для всего человеческого племени.

Мотив вселюбия у Сарояна имеет и обертона, связанные напрямую с романтичностью его мировидения, которую подчас он открыто декларирует. Достаточно вспомнить уже упоминавшуюся пьесу «Время моей жизни», в которой то и дело угрожающе вспыхивают и гаснут сполохи катастрофичности и абсурдности мира. Перед читателем и зрителем проходит, хоть и мимоходом, однако, достаточно впечатляюще череда образов, пусть чуть намеченных, но характерных – людей, обездоленных жизнью, «без фундамента», - как

формулирует араб, один из завсегдатаев забегаловки Ника. Время от времени туда навевается местный блюститель нравов, и угроза обрушения уютного мирка доброты и всепонимания буквально повисает в воздухе. Ведь не может же осуществиться мечта о прекрасной жизни проститутки Кити, ведь понятно что она обречена на свою страшную профессию. Но романтик Сароян предлагает happy end: добрый человек Джо устраивает любовь и счастье молодых. Кити со своей нереальной мечтой очень напоминает горьковскую Настю из пьесы «На дне». И потому вспоминается тоже горьковское: «Господа, если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, // слава безумцу, который навеет человечеству сон золотой». И все таки галерея сарояновских чудачков и «сумпшедших» с их мечтой о счастье не только и не просто «навевают сон золотой». Они заражают надеждой и верой, они воспитывают и возрождают в человеке все то, что в зародыше есть в каждом землянине – нравственное отношение к жизни.

Думается, как раз это и необходимо сегодняшнему состоянию нашего общества, в котором вместе с обрушением старого, прежнего социума, непригодного для человеческого существования, стали угрожающе раскачиваться и уходить в небытие необходимые устои жизни. Сарояна это тревожит, но он убежден, что «литература влияет на людей и изменяет их». Художественный поиск Сарояна, предпринятый им многие десятилетия назад ныне, на наш взгляд, еще сильнее воспринимается как глоток свежего воздуха в угрожающе душной атмосфере нашей жизни. Он сохранил свою целительную первозданность быть может и благодаря тому, что брал свое начало в воздухе его родных гор на «старой родине», где навсегда осталось его сердце. Армянское сердце Вильяма Сарояна.

Несколько слов от редакции

Эту статью Елена Алексанян передала нам незадолго до кончины. Не стало давнего, искреннего друга журнала, прекрасного критика и литературоведа, человека щедрой и любящей души. Мы настолько привыкли к

И глупый поймет
Пусть будет красивым
Последний полет.

* * *

Я плыла, я так сильно
хотела доплыть:
Остров был так красив,
Так прекрасен залив.
И дельфины вокруг
Так хотели помочь,
Но судьбу превозмочь
Нам и вместе невмочь.
Я так море люблю,
Раз уж мне не доплыть,
Буду в синем потоке
Кружить и кружить,
Покоряясь морскому закону,
Ну а просто любить,
Всех любимых любить
Все равно я хочу
по-земному.